

ОТКРЫТЫЙ

16 июля этого года Александру Абрамовичу Аниксту исполнилось бы 85 лет. О нем можно вспоминать долго, писать много. О его свободном плавании в океане мировой культуры. О любимых героях, Шекспире и Гете. Об удивительном сочетании академизма и артистизма, сделавшем его, мэтра, душой институтиских капустников и звездой телезкарана. О его веселой отваге и рыцарственном нраве. Но об этом вспоминали уже и писали, "ЭС" в том числе. Сегодня хочется о другом. О том, что связано с недавним нашим праздником — 50-летие Победы.

Как многие его коллеги, Аникст с первых дней войны ушел добровольцем в ополчение. Был рядовым пехоты, работал во фронтовой газете. Потом - контузия, госпиталь; в 44-м был отозван в военный институт иностранных языков. Обычные, знакомые веки войны.

Особенным было то, как Аникст воспринял войну и что она в нем пробудила. И в том, и в другом сказался прежде всего человек творческий. Творческое начало оказалось непоколебимо и дерзко, бросая вызов тому страшному и скверному, что приносит война. Старая тема "Интеллигент на войне", которую трактуют порой иронически, снова - в который раз! - обернулась героической своей стороной. Ведь героизм выражается не только в ратных подвигах, но и в сопротивлении, в стойкости духа.

С самого начала войны Аникст вел заметки - хроника и комментарии, наброски портретов и очерки событий. Все это обещало перелиться в документальную прозу - не перелилось, а перетянуло. Осталось в рукописных тетрадках вместе с замыслами научных работ, конспектами прочитанных книг, планом романа о французской революции. Сам Аникст в прямом и честном самоанализе объяснил эту вспышку творческой энергии - в том фрагменте, который "ЭС" публикует. И еще публикует стихи военной поры - безыскусные, ясные, пронизанные тем жизнелюбием, что он сохранил до конца дней.

Все это нам было предоставлено Евгенией Федоровной Аникст, женой, многолетним и верным другом, советником, редактором, архивариусом. Не перечислю всего, чем она была для него. Сдав архив мужа в ЦГАЛИ, а книги - в библиотеку СТД, она оставила себе немного личного, незавершенного, неразобранного, в том числе - несколько папок с заметками о войне. Недавно Евгений Федоровны не стало. Некому больше разбирать эти трудно читаемые личноточки, перепечатывать, комментировать, угадывать, что значит "Нов.Ель." и кто такой, к примеру, Володя... РЕДАКЦИЯ И АВТОРЫ "ЭС".

Вот и еще один литературный замысел. Сколько их у меня! Удастся ли когда-либо их осуществить? Раньше этому мешала повседневная педагогическая и научная работа, теперь - война.

Замыслы. Раз уж мысли мои направились в эту сторону, их трудно остановить. Из давних литературных замыслов самый старший, пожалуй, - роман о французской революции 1789-93 гг. Помню, что в году 26-м на даче в Тарасовке я рассказывал родителям, как бы я такой роман написал. Пале многое понравилось, и вообще он был очень заинтересован такой идеей. Год спустя я начал писать поэму на эту тему. Последствия я прочел драмы Романа Роллана, посвященные французской революции, и увидел, что многое из задуманного мною было великим мастером найдено и осуществлено. Все же я продолжал внутренне работать над этой темой. Много читал по истории той эпохи, у меня составилась неплохая библиотека книг по французской революции.

Форма романа, как она отложилась у меня в голове, носит явные следы моей профессиональной работы и несколько "олигатурена", особенно в своей первой части. Как всегда, задумано широко, в трех частях, каждая из которых должна давать характеристику целой эпохи: 1 часть - старый порядок; 2-я - революция 1789-93 гг.; 3-я - Термидор и наполеоновская война. Эти три части связаны единством героя, среднего человека, который, как в романе Вальтера Скотта, оказывается свидетелем или участником важнейших исторических событий.

Мне кажется, что неплохо задумана фабула 1-й части. Для занимательности она строится по принципу Тома Джонса, найденный Филдинг. Найденный является героем и моего романа - такая фигура была характерна для эпохи. Человек, поднявшийся бог знает откуда, типичен для того времени и подходит для литературных целей. <...>

После забавных конфликтов завязки должен был следовать рассказ о воспитании героя в духе идеалистичного, сентиментального и эротичного XVIII века. Здесь все строится на литературных реминисценциях: Вольтер, Дидро, Руссо, Бер-

нарден де Сен-Пьер, Луве де Курвер, Шодерло де Лакло и другие. С другой стороны, дается картина "старого порядка" с участием реальных лиц, философов и писателей эпохи. Начало действия - середина 50-х годов XVIII века.

Можно приурочить ко времени запрещения "Энциклопедии" Дидро и спора между Руссо и энциклопедистами. В это время, как я пишу, замечено, что об этих прошедших днях писать трудно. В них было столько обдуманного и значительного, что сейчас это кажется почти чуждой, для воспринятия этих дней нужен был дневник или роман. Но начинать дневник поздно: идет уже четвертый месяц войны, многое упущено и по памяти не восстановишь.

Что до романа, то в один из первых дней войны у меня родилась идея его, построенного следующим образом. Первая часть состоит из отдельных глав, каждая из которых содержит описание какого-то человека в день накануне начала войны. Это - своеобразный людской калейдоскоп, в котором можно увидеть самые разнообразные положения и конфликты, характерные для мирной жизни.

Вторая часть должна показать этих же людей в день объявления войны. Главное - в том, чтобы отразить резкий перелом, произведённый войной в судьбах всех этих людей. Война сразу обнажила их души - то, что было скрыто, что было легко скрывать в мирной обстановке. В результате война, с одной стороны, привела к резкому обострению некоторых конфликтов, а с другой, легко разрешила то, что было так сложно и казалось неразрешимым в мирное время. Примеры первого типа должны в особенности обнаруживать эгоизм в его различных проявлениях. Примеры второго типа - наоборот, подлинную человечность, помогающую людям расставаться со своими ошибками, заблуждениями, даже пороками.

Третья часть романа мыслится как описание одного дня войны (может быть, и последнего), причем предполагалось изобразить, как сказать, "скрепление" этих различных индивидов, взаимодействующих в силу обстоятельств друг с другом, в таких неожиданных и причудливых комбинациях, как это бывает в жизни.

И, наконец, четвертая часть должна представить первый день после войны. Конечно, две последние части могут быть написаны только тогда, когда само время даст для них соответствующий материал.

22 октября 1941 года. Четыре месяца с начала войны. Эти месяцы коренным образом изменили мою жизнь и во многом изменили меня самого. Однако вместо психологии займусь хронологией. Попытаюсь восстановить схему событий моей жизни за это время. Вплоть до субботы 5 июля - непрерывная работа, по преимуществу экзамены и в свободное от них время - литературная работа по договорам.

6 июля - воскресенье, которого не забыть, ибо с этого дня начинается мое пребывание в армии. Школа в Свердловском переулке, дом 5 - наше пристанище. Неделя с 7 по 11 июля прошла преимущественно в строевых занятиях.

11 июля вечером - отъезд на машинах до Москвы. Ночь на открытой машине под холодным ветром.

Утром 12 июля - первый завтрак на росистой траве. Днем в городе В. Многократные воздушные тревоги. Ночью - сон на холме под обстрелом немецких самолетов.

13 июля - в дальнейший путь, все еще на машинах. 14 июля - первое житье в лесу. Шалаш. Первые ночи под дождем. Основное занятие днем - рытье окопов.

16 июля - мой день рождения, отмеченный только кусочком шоколада и настроением, полным лучших предчувствий.

АРХИВ

18 июля - временное освобождение от земляных работ, вышавшее болью в ногах и в вене. В тот же день новый поход. Все - пешком; большие (и я в их числе) - на машинах.

19 июля. Деревня В. 20 или 21 июля. Делаю доклад на литературную тему. Днем в эти дни занятия.

Между 22 и 25 июля. Пеший ход в деревню К. Замечательная девочка Ангелина Полякова. Занятия - копание. Затем ночное путешествие: на машинах в деревню У. Здесь дикая жара и большие работы, 14 часов в день при 4-х часах сна. 29 июля - окончание работ.

30 июля. Вечер самодельности. Я - конференсье и фельетонист. Повторение выступления в двух других батальонах.

В начале августа переход в деревню И. Там - подготовка к присяге и акт принятия присяги около деревни Л., в великопленном месте (большая площадка, окруженная красивым лесом). В этот день попали под проливной дождь, который промочил до нитки.

После этого - длительное пребывание в деревне Ч. Здесь уже большое внимание военным занятиям. Живем сначала в риге. Затем переезжаем в конце августа в лес. Устраиваемся в палатках. Отсюда - переход поближе к Нижней Дуге. Один день в шалашах. Потом - двухдневное строительство землянок. Начало оборонных работ и неожиданный отъезд.

Ночь на открытой платформе поезда. Утром - прибытие в

24 октября. Вечером пришли в деревню Бутырки. Здесь наша часть обзавелась АХЧ (хозяйственная часть - Ред.) дивизий и какая ирония! - полный состав трибунала.

Когда мы были в Калининской области, то впервые столкнулись с боями разбитых частей. Они выглядели весьма не презентабельно. Многие были даже без оружия. Рассказывали, что они вышли из окружения. Их прозвали "окруженцами", сурово осудили и много смеялись над ними. И вот мы сами оказались неким подобием этих окруженцев. Особенно осуждали их за то, что они, как сами признались, "не видели ни одного немца". Теперь мы знали, что это было не так уж смешно, как полагали. Противник, надо признать, умеет мастерски пользоваться огневыми средствами. При помощи их, еще не вводя в действие живую силу, умеет заставить нас отступить.

Интересно, какой тактический прием возможен для преодоления этого наступления? Вообще, практика войны рождает много теоретических вопросов. Для меня, во всяком случае, очевидно, что принципы старого ведения войны сейчас себя мало оправдывают. Эта война вообще проведет перелом в военном искусстве.

Первая особенность современной войны та, что она носит характер преимущественно маневренного. Это не окопная война 1914-18 гг. При большом растяжении фронта сражения происходит не столько у определенного пункта, сколько на больших участках. Дело решается часто не столько столкновением больших сил, сколько маневрированием. Противник

ЗАПИСЕЙ

Кувш. Ночь в палатках в лесу. Пробуждение от мороза - первый снег. Затем снова поход на 100 километров, до Сухой Нивы. Отсюда - небольшая группой на озеро С., ночью на пароходе, утром на катере.

Нов. Ель. - ночи в окопах. Две разведки, по 2 и 4 дня. Возвращаемся и узнаем об отъезде наших. Догоняем на пароезде. Деревня К. Отсюда пешком до какой-то станции и к поезду. <...>

21 октября. Поиски своей части. Новое путешествие по лесу. Спокойная ночь в деревне.

22 октября. Уход из деревни М. Бомбардировка. Потеряли Вас. Степ. ночью в деревне В. Эта быстрая и беспорядочная запись даже не является грубой канвой, ибо сами события в записи отсутствуют. Но с этого дня постараюсь записывать погуще.

Самое большое впечатление для меня - школьная библиотека у одного парня. Жадно перебрал книги. Прочел несколько глав "Квентина Дорварда" Вальтера Скотта и был на вершине блаженства. Володя читал "Моего дядю Бенжамин", восхищался и читал вслух наиболее остроумные цитаты. Кроме того, сыграл партию в шахматы с Володей и выиграл.

Все время думаю об Игоре и других товарищах: удастся ли им выжить?

Теперь для меня бесспорно, что из двух описаний Ватерлоу (у Гюго и Стендаля) правильным является, конечно, то, которое дано в "Пармском монастыре". И все-таки, несмотря на то, что нужно уметь посмотреть на события и глазами романтика. Ибо романтика есть даже тут.

23 октября. Из Родиново в Пудово. Знакомство со школьной учительницей, которую Володя определил как "бабелевский тип". Она - жена лейтенанта Дзержинской дивизии. Имела литер до Челябинска, но, добравшись до Москвы, вернулась обратно. Теперь не знает, что ей делать.

Ночевали в семье двух сестер. Взяли у учительницы книги для чтения. Володя читал Куприна, я - Ильина, Черным по белому! и полстакан "Отца Гюрио" с предисловием Грива. Утром прочитал у Куприна об актере, игравшем Гамлета.

забрасывает десанты в тыл, просачивается по открытым местам и разрушает традиционное представление о позиции. В результате часть оказывается в окружении, подлинном или мнимом. Наибольшее моральное воздействие здесь производит огонь, ведущийся с самых неожиданных сторон. При этом сзади и с боков бьет не очень большие подразделения, но непрерывный огонь создает большой эффект, попросту говоря, вызывает панику, бороться с которой трудно. Вопрос, который требует практического разрешения, заключается в изобретении средств противодействия такой тактике.

Сентиментальный рассказ. Василий Григорьевич Минаев (садовод, торфяник) развелся с женой. После этого у него появилось недоверие к женщинам вообще. Незадолго до войны на торфоразработках он сошелся с одной женщиной. Будучи мобилизованным и находясь в армии, он написал письмо брату, бывшей жене и этой женщине. Ответов на его письма не было и он уже потерял надежду их получить. Каково же было его удивление, когда единственным лицом, ответившим ему, оказалась эта случайница, как он думал, сожительница. В своем письме она называла его "дорогим супругом" и спрашивала, не нуждается ли он в чем-нибудь, выражала готовность оказать ему материальную поддержку любого порядка. "А ведь у нас с ней никаких денежных отношений не было", говорил он, имея в виду, что он на нее не тратился. До сих пор помню, как (дело было в Сухой Ниве) Минаев сидел вечером у огнесушилки и при ярком свете пылающих дров перечитывал полученное им письмо. Видно было, что он потрясен до глубины души. "Это что же такое?", - восклицал он с удивлением. С его скептическим отношением к женскому полу не вязались теплота и любовь в этом письме. Можно сказать, что для Минаева это письмо стало реабилитацией всех женщин как таковых.

26 октября. В лесу у Руднева наконец-то встретили подразделение нашего полка - транспортную роту. Командир роты направил нас в Сотниково и Шоломово - там, по его словам, штаб нашего полка. Таким образом, мы столько дней бродили в одном и том же районе, все время сталкиваясь с подразделениями нашей дивизии, но только не нашего полка. Поэтому встреча с транспортной ротой - нечто вроде радостного события. Жаль, что они не захотели оставить нас при себе. Потерять свою часть - все равно, что потерять семью. Скорее бы найти своих, узнать, каково положение, где наши товари-

щи, которые остались в лесу по ту сторону железной дороги... С великим сожалением приходится признать слабую организованность и связь в нашей дивизии. Если бы с этим делом обстояли лучше, то мы бы все давно уже соединились и представляли собой снова боевую единицу. Хочется надеяться, что это только частное явление.

Одиночество. Когда мы отходили от Мшуково, то на одном хуторе Успенский послал в разведку Минаева с местным жителем. В лесу они наткнулись на немцев. Мы слышали немские выстрелы. Через несколько минут приблизил проводник. Минаева с ним не было. Он при первом же выстреле бросился бежать в сторону, противоположную от проводника. Мы подождали его немного, но дальше медлить было нельзя, так как выстрелы раздавались все ближе и ближе, и нам было приказано трогаться в путь. А Минаев остался один позади. Какие чувства должны были волновать его, беднягу? Сначала, вероятно, просто страх. Потом еще и острое чувство досады и злости на товарищей, которые бросили его одного. Правда, командование было вынуждено пожертвовать одним человеком, чтобы спасти остальных, но от этого данному человеку не легче. Мысли о Минаеве тревожили меня все время: что с ним стало? Но, наряду с чувством жалости (он мне очень нравился), литератор во мне заинтересовался психологической остротой ситуации.

Лично меня одиночество страшит больше всего. Семья, товарищи, коллектив, друзья мне для душевного покоя необходимы. Поэтому я так остро переживаю отрыв от своей части и мое самое большое желание сейчас - соединиться с ней, с товарищами по роте.

Успенский. Я познакомился с ним еще в Москве в Свердловском переулке. Как сейчас помню его, сидящего на кирпичиках во дворе. Наиболее запомнившаяся деталь - трогательно смешная кепка с пуговкой. Он очень умно рассуждал о войне и ее перспективах. Уже в первом разговоре проявилось его нежелание мыслить по шаблону.

Незамыслие и постыдно мы с ним сблизился. Он проявил сострадание к моим физическим слабостям и доверие к умственным способностям. На первых порах он мне очень облегчил приспособление к трудным условиям жизни, и я помню, что не раз испытывал по отношению к нему чувство самой глубокой благодарности. И в дальнейшем он, как командир отделения, по мере возможности облегчал мое положение. В августе-сентябре мы с ним жили душа в душу, как самые близкие друзья. Потом наступило охлаждение, исходившее от него.

Поведение Успенского с самого начала отличалось стремлением полностью ассимилироваться с обстановкой. В отличие от тех, кто еще не изжил довоенные настроения, он хотел как можно органичнее войти в армейскую жизнь. Он с большим мужеством подавлял всякие проявления слабости в себе и вместе с тем не бравировал, вообще - держался в высшей степени выдержанно и скромно, избегал громких слов и речей. Неудивительно, что окружающие товарищи и командование относились к нему с возрастающим уважением.

26 октября. Вечером. Наконец-то после целого дня скитания примкнули к своему полку. Почти весь день шли с Володей вдвоем. Только под конец догнали нашу группу. Ночуем в Афанасовке. Получили сухой паек и ужин. Впервые за много дней поели вволю хлеба.

Меня растрогало поведение Миронова, который, несмотря на наше с Володей отсутствие, позаботился о нас, взял и сохранил наш паек. О нем надо будет написать как-нибудь отдельно. <...>

Итак, мы снова на передовой. Говорят, что наш полк уже на позиции. И завтра утром мы примкнем к немцам.

Сегодня впервые за много дней читали газеты. "Красную звезду" от 22Х. "Известия" от 25Х. После чтения газет делаю эту запись и ложусь спать на плехонкой, да кровати. Время 23.10. Надо успеть выспаться.

27 октября. В деревне Афанасовке. Занимались отправкой питания на передовые позиции и транспортному раненым.

У одного работника хозчасти достал томик поэм Пушкина в издании Суворина. Сидел до поздней ночи на кухне. Читал "Полтаву" и "Медного всадника". Потом занялся чистой белль. На кухню зашла одна из беженок, молодая женщина Настя. Она посочувствовала мне, разожгла утюг и выгладила все мои рубашки.

Горчухино. После того, как мы прибыли пару дней в тылу полка, Успенский сказал:

Робота, придется все-таки расстаться на время. Сейчас получен приказ командира полка - всех боеспособных перевести из тыла на передовую.

- Ну, что ж, пойдем, - сказали мы. <...>

На командном пункте полка, в лесной сторожке, мы получили назначение во второй батальон, стоявший в Горчухине. Услышав название деревни, мы многозначительно переглянулись.

Горчухино расположено на плоском берегу реки Нара. Деревня открыта со всех сторон. Но особенно хорошо ее видно со стороны Елагино, находящегося на противоположном, высоком берегу реки, метрах в шестистах.

Когда немцы наступали, они добрались до Горчухина. Но, увидев всю невыгодность положения деревни, без боя отступили. И действительно, защищать Горчухино было почти безнадежным делом. Так как все подступы к деревне проходят через открытую местность, то очень легко с другого берега реки огнем отрезать все коммуникации. Но нам выбирать не приходилось. Каждый кусок земли был наш, мы не хотели его отдавать и готовы были драться за него...